

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ
ЗА ПРЕДЕЛОМ
ЖЕСТОКОСТИ

Полковник Гуров

Николай Леонов

Производственный секрет

«Научная книга»

2009

Леонов Н. И.

Производственный секрет / Н. И. Леонов — «Научная книга»,
2009 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-33184-0

В старинном поместье рыщут привидения, беспокоят нынешнего владельца усадьбы известного певца Левитина. Но полковнику Льву Гурову ясно, что привидения – вполне земные злоумышленники, которые что-то ищут в доме. Ведь не пришельцы же с того света ударили стилетом гостя певца. И самого Гурова вырубил, когда он попытался их задержать. Теперь у полковников Гурова и Крячко к этим типам свои счеты. И вроде зацепка появилась – из больницы, расположенной неподалеку от усадьбы, похитили пациента. И некто в больничной пижаме «засветился» на месте преступления...

ISBN 978-5-699-33184-0

© Леонов Н. И., 2009
© Научная книга, 2009

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	27
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Николай Леонов, Алексей Макеев

Производственный секрет

Глава 1

Дождь был совсем теплый, зато разошелся не на шутку. Это стало ясно уже на выходе со станции. Сверху на эскалаторе спускались люди, с головы до ног забрызганные водой, с промокшими зонтами в руках, примолкшие и озабоченные, как это всегда бывает с людьми во время стихийных бедствий. Нет, конечно, до стихийного бедствия было далеко – это сравнение пришло в голову Бекасу лишь потому, что муторно было у него на душе, – но лило изрядно. Бекас порадовался про себя, что все-таки решил захватить зонт. Первым-то желанием было выйти налегке – на улице едва моросило, а Бекасу совсем не хотелось обременять себя. И без того он постоянно ощущал на плечах почти неподъемную тяжесть. Виртуальный груз, ноша, которую он добровольно взвалил на себя. Пожалуй, даже не только добровольно, а с неким энтузиазмом, с азартом и восторгом. Но все это было сначала, а сейчас Бекасу становилось все тяжелее и тяжелее. Для рискованного отчаянного дела, что он затеял, Бекас оказался слабоват в коленках. Самому себе он мог в этом признаться. Да что толку в этих признаниях? Ничего изменить он уже не мог – ни обстоятельств, ни себя.

Впрочем, сегодняшний день обещал стать некой вехой. Перед Бекасом забрезжила надежда на избавление. Он передает то, о чем договаривались, связному или курьеру – черт их знает, как они у них называются, – получает деньги, последний, так сказать, взнос, и они расстаются навеки. Может быть, с течением времени Бекас сумеет забыть все, как страшный сон. По большому счету, ему уже давно не нравилось то, что он делает. Что ни говори, а предательство остается предательством, чем его ни мотивируй. Грязное дело. Но денежное.

Эскалатор двигался не быстрее обычного, но Бекасу показалось, что его буквально выплюнуло наверх. Время несло вскачь, не давая ему возможности передохнуть и опомниться. Сердце тарахтело раза в полтора чаще. Бекасу не хватало воздуха. Возможно, тут играла роль и смена погоды, но главное все-таки было не в этом.

За стенами станции была ночь. Росяное марево вокруг фонарей, косые струи дождя, лужи под ногами. Непрекращающийся шип и плеск шин по асфальту. Залитые водой автомобили, замкнутые, живущие своей странной жизнью стальные механизмы скользили по мостовой, помаргивая цветными фонарями.

Бекас собирался свернуть на набережную и вдруг совершенно случайно увидел внимательные глаза незнакомого ему молодого человека, который среди прочих пассажиров вышел из дверей станции и на секунду остановился, чтобы развернуть над головой черный, с металлическим отблеском зонт.

Бекас в этот момент озирался по сторонам, и пристальный взгляд, устремленный на него, привел его в немалое смущение. Да что там говорить, в панику он его привел, в лихорадочную тревогу. Совесть-то у Бекаса была нечиста.

Словно ошпаренный, он поспешно щелкнул зонтом, выбросил над головой звонкую, пульсирующую от дождя полусферу и побежал по улице, не решаясь, однако, свернуть теперь к набережной.

Бекас никогда не был удачливым человеком. И внимание на него за всю его жизнь обращало совсем мало людей. По-настоящему, может быть, одна мама это делала. Но, господи, как давно это было! В прочих случаях если на Бекаса обращали внимание, то это, скорее всего, означало неприятность. С годами Бекас превосходно научился мимикрировать, делаться незаметным, обходить острые углы, и у него даже начало кое-что получаться. Он занял неплохую

должность в НИИ, удачно женился, обзавелся квартирой, потом родился сын... А потом все пошло кувырком. НИИ закрылся. Семья распалась, квартира пошла на размен. Бекас долгое время был никому не нужен, но потом ценой невероятных усилий ему удалось пристроиться в хорошую фирму. Там его услужливость ценили, но больше в моральном плане, а Бекасу хотелось того, что обретается человеком к сорока годам, можно сказать, по праву, – спокойное, комфортабельное жилище, сверкающая машина, туго набитый бумажник, удобная итальянская обувь. Почему-то за Бекасом этого права никто не признавал – даже те, кто его ценил. Они-то раскатывали на сверкающих лимузинах и пили на вечеринках настоящий коньяк, а кожа у их любовниц была розовая и гладкая. Порой Бекас так их ненавидел, что давился едой. За едой не рекомендуется думать о неприятном, но у Бекаса это плохо получалось. Он почти всегда думал о неприятном.

Бекас недолго колебался, когда ему представился шанс. Не хотите мытьем, так пожалте катаньем! Решиться было легко. Легче, чем нести потом этот крест. Подспудно Бекас каждый день ждал, что его накроют. Разоблачат. Внимательные пристальные взгляды снились ему в кошмарных снах.

И сейчас он поймал такой взгляд наяву. Это было по-настоящему страшно. Бекас сразу понял, что посторонний человек не станет на него так смотреть. Для посторонних Бекаса как будто вообще никогда не существовало. Этот факт был неоднократно проверен и уже не вызывал у Бекаса чувства острой ревности. Он уже свыкся с равнодушием. Но, выходит, молодой человек у метро следил за Бекасом специально. Для чего? Кто его направил? Может быть, это маньяк или вор, собирающийся нанести Бекасу вред частным порядком? На такие вопросы никто не может дать ответа. Это постигается только на собственной шкуре. Хотя логика подсказывала – ни маньяк, ни вор здесь ни при чем.

Бекас посмотрел на часы. До встречи оставалось девять минут. Плюс две-три минуты ожидания. Если за это время не удастся прояснить вопрос с молодым человеком, то придется отменить встречу. Это тоже опасно, но не в такой степени, как если его возьмут с поличным.

Дождь наяривал от души. У Бекаса промокли туфли и низ брюк. Однако он упорно шлепал под дождем, хотя ненавидел сырость. На втором или третьем повороте он повернул, но не к набережной, а в другую сторону, прошел еще квартал и увидел освещенную витрину маленького кафе. С навеса над входом лило – настоящий ниагарский водопад. Бекас повертел головой и увидел на другом конце квартала мокрую фигуру, которая двигалась в его сторону. Больше желающих гулять под дождем не наблюдалось. А этот был очень похож на того молодого человека. Бекас вошел в кафе.

Сворачивая зонт, он бочком пробрался к стойке, за которой деловито пересчитывал выручку полноватый, с невыразительным круглым лицом бармен. Его лицо понравилось Бекасу – он не терпел красавчиков. Некрасивые люди могут вас выслушать. Красивые слушают только себя.

– Здравствуйте! – негромко сказал Бекас, нервно оглядываясь по сторонам. – Можно сто граммов водки?

– Да ради бога! – ответил бармен, поднимая на него равнодушные глаза. – Вам какой?

– Да мне все равно, – сказал Бекас. – Абсолютно все равно... Вот льет, а?

– Да-а, разверзлись хляби небесные, – вежливо произнес бармен, ловко наливая в стаканчик прозрачную ледяную водку и ставя ее перед Бекасом. – Самое то принять немного на грудь.

Бекас выпил и посмотрел на часы. У него оставалось четыре минуты. Пожалуй, он уже опоздал. Чувство легкой досады все равно не могло пересилить нарастающего в душе страха. Ему показалось, что за мутной пеленой витрины маячит уже знакомая ему фигура.

– Можно еще одну? – спросил он и, когда бармен исполнил его просьбу, добавил, понизив голос почти до шепота: – Простите, у меня к вам будет несколько необычная просьба...

– Я вас слушаю, – слегка приподнял брови бармен.

Он явно насторожился, но агрессии пока не проявлял. Бекас оглянулся через плечо – никаких сомнений не оставалось, кто-то ждал его под дверью.

– Простите, – зашептал Бекас. – Мне срочно нужна помощь. Я попал в неприятную ситуацию. Понимаете, м-м... У меня должно было состояться романтическое свидание, но ее муж... – Фантазия у Бекаса работала слабо, но, кажется, бармена не слишком интересовало правдоподобие. – В общем, меня преследуют. Скорее всего, собираются покалечить. Мне бы этого не хотелось. Был бы вам очень признателен, если бы вы позволили мне выйти через ваш черный ход. У вас ведь есть черный ход?

Бармен без выражения смотрел на него и почему-то медлил. Бекас наконец сообразил, слегка покраснел и полез в карман.

– Ах, простите, совсем забыл! – сконфуженно сказал он. – Вот, пожалуйста, за беспокойство...

Бармен незаметно смахнул деньги куда-то под прилавок и коротко мотнул головой.

– Зайдите за стойку, – сказал он тихо, глядя мимо Бекаса. – Увидите дверь. Дверь направо, потом дверь налево – и вы выходите во двор. Только притворите за собой дверь, когда выйдете.

– О'кей! – с облегчением сказал Бекас.

С зонтом наперевес он быстро прошел за стойку, шагнул в одну дверь, потом через коридор – в следующую, выскочил под дождь и развернул зонт. Капли забарабанили по натянутой ткани. Бекас заспешил через двор, стиснутый глухими стенами, заставленный мокрыми ящиками, с пузырящимися лужами у выезда.

Почти ликуя, Бекас вышел на соседнюю улочку и резко повернул к центру. Переулки, по которым слонялся дождь, были пусты. Проходные дворы, запертые магазины, металлические двери подъездов, гудящие деревья – и ни души. Пускай он намокнет, но зато убедится, что слежки за ним нет, и со спокойной душой отправится домой – думать, что делать дальше, потому что опасность никуда не делась. Опасность все еще при нем, она во внутреннем кармане пиджака. В миру это называется носителем информации. Но это когда как. Сейчас как раз такой случай, когда обыденный предмет наполняется грозным неоднозначным смыслом. Надежнее всего было бы его выбросить, но он стоит таких денег... И Бекас так долго подбирался к этой информации, столько возлагал на нее надежд...

Можно попробовать еще раз. Но это нужно делать быстро, может быть, даже сегодня, не заходя домой. Лучше всего попросить машину у двоюродного брата, отставника-майора. Он будет долго нудеть, говорить о нахлебниках, наездниках, любителях халявы, но машину даст. Лучшего выхода все равно не придумать. В конце концов, для себя старается. Если все получится, он сумеет купить себе лаковый лимузин и умчаться на нем в лазоревые дали.

Бекас остановился и посмотрел на часы. Судя по всему, партнеры уже сидят у себя в офисе, или дома, или в номере гостиницы – он не слишком хорошо представлял себе, где эти люди обретаются. Вышли они на него случайно, во время какой-то презентации. Сначала был обычный разговор, вежливое любопытство, комплименты. Он растаял от внимания, которого ему всегда не хватало. А тут еще алкоголь, желание порисоваться. Так и получилось, что он выложил больше, чем следовало. А его потом взяли за горло. Ну и конечно, предложили много денег. «Господин Бекас, такой человек, как вы, достоин большего, чем может дать ваша фирма! Мы готовы доказать это. Мы щедро платим за ценную информацию. А в будущем, имейте в виду, у вас появляется перспектива более тесного сотрудничества с нами. Вы понимаете, о чем мы?»

Понимал ли он? Вообразил, во всяком случае, многое. Щедрые посулы несколько поблекли в реальности, но все же Бекас перестал жаться из-за каждой копейки, он почувствовал себя увереннее, к тому же им искусно манипулировали, обещая дивиденды в самом бли-

жайшем будущем. Обычный трюк с морковкой на палочке. Впрочем, сегодня за основную информацию, которая содержала в себе все тонкости процесса и которую он раздобыл с необычайным трудом, ему должны были вывалить кучу денег. Договоренность была четкая. Он передает носитель. Ему передают пакет с деньгами. И снова заверяют в том, что его ждут перспективы на сотрудничество.

«Где-то рядом должен быть телефон-автомат! – пробормотал Бекас, оглядываясь. – Звонить из телефона-автомата – самое безопасное. Но что же я им скажу?.. Впрочем, сначала я найду место. Пока же нужно только предупредить...»

Телефон обнаружился на углу, возле аптеки. Бекас подскочил к нему, поднырнул под пластиковый купол, набрал номер. Соединилось сразу – видимо, его звонка ждали.

– Это я, – быстро сказал Бекас. – Товар у меня. Но я не мог. За мной следили. Сейчас уже нет, но держать при себе я его не могу. Слишком опасно.

– Что вы намерены предпринять? – осведомился холодный вежливый голос.

– Я нахожу место, где оставляю товар, – сказал Бекас. – Надежное место. Где-нибудь на периферии. Потом сообщая вам, и вы его забираете. А деньги вы оставите в камере хранения на вокзале – подробности я тоже вам сообщу. Только не пытайтесь меня обмануть! Это не в ваших интересах. Ведь вам не нужны скандалы, огласка...

– Разумеется, могли бы этого не говорить, – проворчали на другом конце провода. – Мы ведем честный бизнес.

Насчет честности бизнеса у Бекаса были сомнения, но он не стал о них распространяться.

– Я сейчас же займусь этим делом, – сказал он. – А к утру сообщу вам о результатах.

– Что ж, это разумно. Желаем удачи. Надеемся, никаких недоразумений больше не будет.

– Я тоже на это надеюсь, – буркнул Бекас.

Он повесил трубку и устремился к ближайшему метро. К брату нужно было ехать едва ли не до конца Замоскворецкой линии.

Нельзя сказать, что Бекас успокоился, но, спустившись в теплое, ярко освещенное метро, некоторое душевное равновесие он все-таки обрел. Людей здесь было очень мало. В его вагон вообще никто не сел, и этот факт воодушевил Бекаса.

Он опустился на сиденье и под грохот колес постарался как следует расслабиться. Впереди его ждали трудные испытания, и нужно было выйти из них с честью.

Первым испытанием стал, конечно, разговор с братом. Но, к удивлению Бекаса, на этот раз все прошло гладко. Несмотря на поздний час, Аркадий поворчал, но ключи от машины выдал. На байку о романтическом свидании, которую всюю эксплуатировал теперь Бекас, купился без разговоров. Даже пошутил на эту тему.

Бекас сел в серые «Жигули» брата и поехал куда глаза глядят. Однако выбрать место для тайника оказалось непростым делом. Бекас даже не представлял себе, насколько трудно спрятать то, что лежало у него за пазухой. Водосточная труба? Мусорный ящик? Камера хранения? Или слишком ненадежно, или у всех на глазах, или слишком мудрено. А главное было в том, что у Бекаса не было никакого опыта в подобных делах, и, как пуганая ворона, он шараялся от каждого куста. Любой огонек в зеркале заднего вида ввергал его в панику и заставлял обливаться потом. Слежка мерещилась ему повсюду. Каждая ложная тревога заставляла его то напрягаться, то вздыхать с облегчением, но оптимизма все равно не добавляла.

Только выбравшись за пределы Москвы, Бекас вздохнул с некоторым облегчением. Он остановился у обочины на темном полупустом шоссе и с замиранием сердца стал смотреть, как проносятся мимо него равнодушные машины. Дождь здесь был гораздо слабее, и вообще он уходил теперь куда-то к югу, а в северной части неба в просвете туч даже замерцала одинокая бледная звезда.

Никакой слежки за Бекасом больше не было, и он решил, что переборщил. Не стоило забираться в такую даль. Но раз уж забрался, то нужно скорее покончить с этим делом, избавиться от груза, который буквально жжет ему руки.

Бекас догадался, что привело его сюда и где он устроит тайник. Лет восемь назад, когда он мог еще считаться молодым и водил компанию с какими-то серыми бездарными людьми, которых называл друзьями (куда они все подевались?), они как-то раз заехали на шашлыки в прелестный уголок Подмосковья. Там была кудрявая березовая роща, наполненная солнечными бликами и прохладными тенями, заросший ряской пруд, в котором плавали кувшинки, и развалины старого поместья. Ходили слухи, что давным-давно в нем жил граф. Фамилию графа Бекас, конечно, не помнил, но романтическое тихое место произвело на него большое впечатление. Подсознательно оно отложилось в его памяти как надежное и безопасное, и теперь память привела его сюда.

В его представлении заключалось обычное для человека противоречие. В принципе разоренное поместье никак не должно было связываться с надежностью и безопасностью, но тем не менее связывалось. Бекас направил туда машину, исполненный доверия к этому месту.

Пять минут езды по проселочной дороге – и он был на месте. Как ни странно, здесь почти ничего не изменилось. Только березовая роща как будто стала гуще, и еще запущенней стал пруд, но тишины и покоя от этого только прибавилось.

Бекас остановил машину, отыскал в бардачке старый полиэтиленовый пакет и тщательно завернул в него коробочку с «носителем информации». Еще он нашел электрический фонарик, который был сейчас как нельзя кстати. Потом вылез наружу и пошел вдоль пруда к белеющим в темноте развалинам.

Дождь прекратился. Влажный ветер трепал верхушки берез, которые печально вздыхали. Бекас раздвинул высокие побеги травы и проник в укромный уголок, ограниченный с трех сторон полуразрушенными кирпичными стенами. Когда-то это было гостиная в господском доме. В углу даже камин сохранился, с облицовкой, которую не смогло отшелушить время. Труба камина упиралась в остаток потолка и, видимо, должна была идти еще выше, но от второго этажа практически ничего не осталось.

Впрочем, Бекасу был не нужен второй этаж. Радуюсь, что заветное место за эти восемь долгих лет почти не подверглось переменам, Бекас приблизился к останкам камина. В темноте это было не слишком просто сделать. Вместо пола под ногами была чудовищная мешанина из сгнивших балок, камней, обломков керамики и буйной травы. Бекас пробился через все это и присел возле жерла камина.

Последний огонь отгорел в нем, наверное, сто лет назад, и теперь даже легкого запаха гари не осталось в камине. Однако когда Бекас полез внутрь и принялся шарить рукой в трубе, то, кроме плесени и паутины, он вымарал пальцы в слежавшейся, рыхлой и влажной, как штукатурка, саже. И не только пальцы – пиджак и рубашка были перепачканы тоже. Охваченный досадой, Бекас не стал больше мудрить – найдя первое попавшееся углубление в каменной кладке, он запихал туда завернутый в полиэтилен носитель. Дело было сделано.

Бекас поднялся и попытался вытереть руки пучком мокрой травы. Он вдруг почувствовал чудовищную усталость. Этот вечер высосал из него все соки. Вместо необременительной прогулки по набережной получилось целое путешествие, полное опасностей и страхов. Но теперь можно было ехать домой.

Бекас настолько устал, что решил больше не мудрить и позвонить заказчикам с телефона-автомата, который находился около его собственного дома. В конце концов, шел третий час ночи, никто за ним больше не следил, и следили ли вообще – сейчас представлялось в большой степени сомнительным. Нужно было кончать с этим делом. Бекасу хотелось спать, но перед этим еще нужно было принять горячую ванну и хорошенько взбодриться коньячком – заветная бутылочка стояла у него в баре. Утро вечера мудренее.

Он остановил машину на углу и вышел. Повсюду серебрились лужи. Его девятиэтажный дом был погружен во тьму. Соседи спали. На перекрестке желтым глазом подмигивал фонарь. Ветер волок по небу рваные тучи. На тротуарах было пустынно. Прятаться было не от кого.

Бекас подошел к телефону, сунул в щель карточку, набрал номер. Клиент откликнулся сразу – видимо, тоже еще не ложился.

– Дело сделано, – устало сказал Бекас. – Я оставил товар в развалинах. Романтическое место. Очень живописный уголок и совсем недалеко от Москвы...

– Координаты! – перебил его заказчик. – Не нужно лирики!

– Координаты... Значит, так, выезжаете из Москвы по...

Он внезапно осекся. Озираясь по сторонам, Бекас неожиданно увидел тень человека, стоящего возле девятиэтажки. Но не это было самым страшным. Куда страшнее показалась ему фигура, неуловимо промелькнувшая где-то совсем рядом – кто-то крутился около него и ловил каждое слово. Бекаса мгновенно прошиб пот.

– Я не могу говорить, – сквозь зубы буркнул он и нажал пальцем на рычаг.

С телефонной трубкой в потном кулаке он стоял на месте и медленно озирался по сторонам. Сердце бешено стучало. «Все пропало! – мелькнуло в голове. – Они караулили меня возле дома, а я, как последний лох...»

Из темноты вывернулась гнусная молодая физиономия, выбритая до скрипа. Холодные глаза, косая сажень в плечах, костюмчик, сидящий слишком кургузо, чтобы называться хорошим. Молодой надвинулся на замершего Бекаса.

– Что же вы примолкли, господин Бекас? – кривя губы, проговорил незнакомец. – Думали заморочить нам голову? Не на тех напали. Рано или поздно вы должны были попасться.

– Кто вы такой? – с ужасом произнес Бекас, вжимаясь спиной в телефонный аппарат.

– Я тебе объясню, кто я такой! – уже грубо сказал молодой человек и коротко кивнул. – Но сначала ты нам исповедуешься! Облегчишь свою подлую душу! Пошли!

Он нетерпеливо протянул руку – слишком нетерпеливо, на сто процентов уверенный в своем превосходстве, – и, как водится, поторопился. Силенка у Бекаса всегда имелась, а отчаяние только удвоило ее. Зажатой в кулаке телефонной трубкой он двинул парня в челюсть, а когда голова у того запрокинулась назад, еще и пнул хорошенько ногой в пах.

Путь был свободен. Брошенная трубка моталась на проводе, а Бекас уже бежал что есть духу к дому. Но от дома наперерез ему мчались двое, настроенные очень решительно. Поняв, что его вот-вот перехватят, Бекас бросился в сторону и успел запрыгнуть в машину прежде, чем его настигли. Взревел мотор, и Бекас погнал «Жигули» буквально куда глаза глядят.

Преследователи недолго казались растерянными. Через несколько секунд они уже выгнали со двора автомобиль и начали погоню.

Вся решимость Бекаса давно испарилась. Он не имел понятия, куда бежать и где прятаться. Бекас был в тупике. Его гнал вперед безотчетный всеобъемлющий страх. В районе Остоженки у старых «Жигулей» отказали тормоза. Бекас не справился с управлением, выехал на Пречистенскую набережную, дважды перевернулся и вместе с машиной рухнул в воду.

Глава 2

Гуров остановил машину на повороте дороги и, заглушив мотор, повернулся к жене.

– Послушай, мне ужасно не хочется показаться занудой, но, может быть, нам действительно лучше вернуться? – сказал он. – Время еще не позднее, и мы можем закатиться в какой-нибудь тихий уютный рестораник. На твой вкус, а? В самом деле, сейчас я чувствую себя неловко.

– Что же тут неловкого, Гуров? – певучим голосом произнесла жена. – Мы едем в гости. К интересному человеку. Самое обыкновенное дело. Максим Левитин – один из моих любимых певцов. Редкий талант у человека, между прочим. Одинаково прекрасно поет эстрадный репертуар и классику. В наше время такие люди редкость.

– Вот и я о том же, – вздохнул Гуров. – Ты – знаменитая артистка Мария Строева, он – редкий талант. Левитин – это имя! Для вас такая вечеринка – обычное дело. А мне-то что там делать? Боюсь, мне придется играть роль эдакого экстрасенса поневоле...

– Перестань! – нахмурилась Мария. – Вечно ты все преувеличиваешь. Ну да, сейчас в моде все таинственное, все мистическое. Но это же игра! И потом, ты ведь уже обозначил свою позицию. Ты ориентируешься на факты, и твоя позиция неколебима. Мне кажется, это может вызвать только уважение. Никто не будет требовать от тебя невозможного.

– То есть чтобы я поверил в существование привидений? – усмехнулся Гуров. – Ну, спасибо! А мне кажется, все будет с точностью до наоборот. Так как неизвестно, о чем со мной, ментом, разговаривать, то меня будут убеждать в существовании духов. И будут делать это очень активно, чтобы не показаться невежливыми. Не уверен, что это именно то, чем мне хочется сейчас заниматься.

– А я думаю, ты преувеличиваешь, – сказала Мария, но в тоне ее не было убежденности. – Я думаю, разговоры будут самые разные, и ты сможешь выбрать что-нибудь по душе. Если ты заговоришь с Левитиным о его творчестве, то, уверяю тебя, он ни разу не вспомнит ни о каких привидениях.

– Ну, это ты точно ошибаешься! – покачал головой Гуров. – Забыла, как звучало приглашение? Да и когда Левитин лично напоминал о сегодняшнем приеме по телефону, он совершенно недвусмысленно повторил, что у меня будет возможность заняться поисками привидения в его поместье... Кстати, что за противное слово – поместье! Я к нему никогда не привыкну.

– Положим, Левитин заработал свой капитал честным трудом! – повысила голос Мария. – Гастроли, записи, продюсерская деятельность... И слава богу, что труд артиста стал наконец достойно оплачиваться.

– Слава богу, – пробормотал Гуров. – Кстати, я не сказал, что Левитин не заработал свое поместье. Я сказал, что никогда не привыкну... Одним словом, мы все-таки едем?

– Разумеется!

Гуров еще раз вздохнул и завел мотор.

С известным певцом и продюсером Левитиным, песнями которого Гуров заслушивался еще в дни своей молодости, он познакомился благодаря своей жене на одной из презентаций. Левитин представлял свой очередной продюсерский проект.

Молодящийся Левитин не растерял ни жизнелюбия, ни энергии. Он сыпал остротами и целовал руки женщинам. Марии Строевой он уделил особенное внимание. И не только потому, что за нею тянулся шлейф популярности. Судя по всему, он искренне восхищался ею как женщиной. В шуточной форме он даже посетовал на то, что Мария замужем, но тут же постарался расположить к себе и Гурова, вступив с ним в оживленную беседу обо всем на свете. Именно

в ходе ее Гуров узнал, что Левитин достраивает в Подмосковье жилой дом, а вернее, целое поместье.

– Всю жизнь мечтал, – признался он с лукавой улыбкой. – Всю жизнь мечтал о собственном поместье! Барский дом, парк, пруд с кувшинками, белые ворота... Ходил на партсобрания, а мечтал о поместье! Ха-ха-ха!

Тут же выяснилось, что в еще недостроенном поместье появляются привидения.

– Сами понимаете, я живу в основном сейчас в московской квартире, – объяснял Левитин. – Дела в разгаре, проект за проектом... К тому же готовлю материал для собственного диска. А стройкой заведует мой помощник Володя. Он и пожаловался. Говорит, стали являться по ночам привидения. Нет-нет, это не шутка. Если бы вы видели моего Володю, то поняли бы сразу – этот человек не способен шутить. Я полагаюсь на него, как на самого себя. Он несокрушим. И если он говорит, что видел привидение, – можете быть уверены, речь идет именно о привидении.

С единственной целью поддержать разговор Гуров позволил себе усомниться в существовании привидений, несмотря на свидетельство несокрушимого Володи, и был втянут в бурную дискуссию, результатом которой стало приглашение посетить загадочное поместье.

– Возможно, вам повезет, и вы лично сумеете удостовериться в правдивости этой истории! – азартно блестя глазами, заявил Левитин. – В середине сентября жду вас вместе с вашей очаровательной супругой! Заранее приношу извинения за некоторую недостроенность поместья, но, сами посудите, возможно ли за год восстановить то, что разрушалось десятилетиями? Да и сам я помещик еще неопытный, – подмигивая, сообщил он. – Но очаровательный вечер на веранде с видом на благоухающий сад я вам гарантирую!.. И пруд имеется!

Гуров не стал настаивать на том, что благоухающий сад в сентябре – это не меньшая фантастика, чем привидения в этом саду. Ему не хотелось противоречить прославленному певцу. Тем более что он был уверен – встречаются они последний раз в жизни. Но через неделю Левитин позвонил и повторил приглашение. Перед Марией он рассыпался в комплиментах, Гурову пообещал дегустацию превосходного вина – одним словом, отказать ему было просто неудобно. Правда, Гуров до последнего момента сомневался в необходимости этого визита, но Мария уговорила его.

– Не я придумала, что человек должен менять обстановку, – заявила она. – Вспомни, когда мы последний раз вместе отдыхали? А здесь природа, сад, пруд, новый дом за городом, интересные люди...

– Привидения, – уныло добавил Гуров.

– Все лучше, чем твои преступники! – парировала Мария.

– Мои преступники хотя бы живые люди с человеческими мотивациями и слабостями, – возразил Гуров. – Поэтому им можно противостоять. Как можно противостоять привидениям?

– А зачем им противостоять? Просто сиди на веранде и любуйся!

Этот довод сразил Гурова окончательно.

– А-а, ну, если в этом смысле, то конечно, – только и сказал он.

Теперь на повороте дороги Гуров предпринял последнюю попытку уклониться от визита к «помещику». Попытка не удалась, и он вывернул автомобиль на грунтовку. Ехать пришлось совсем недолго, и уже через пять-семь минут в сгущающихся сумерках возникла густая березовая роща, за которой, как и предупреждал Левитин, должен был открываться вид на поместье.

В глубине души Гуров был настроен довольно скептически. Ему казалось, что все потуги состоятельных людей изображать из себя продолжателей старых традиций не более чем неумелая игра, чаще всего приводящая к комическому эффекту. Но, увидев воочию новое «гнездо» Левитина, Гуров был вынужден признать, что вкус не подвел знаменитого певца. За рощей на небольшой возвышенности располагался просторный белый дом с мезонином и строгими

колоннами у фасада. От широкого каменного крыльца к воротам шла аллея, усаженная по обеим сторонам молодыми липами. Участок вокруг дома был не маленький. Может быть, поэтому целиком его еще не обнесли приличным забором. Гурову показалось, что красивая чугунная ограда заканчивается метрах в тридцати от ворот среди зарослей рябины, усыпанной яркими плодами.

– Ворота настужь, – заметил Гуров жене. – Ограда не закончена. Ничего себе дворянское гнездо!

– Не придирайся! – сказала Мария. – Москва тоже не сразу строилась. И вообще мне здесь нравится.

– Мне тоже нравится. И дом замечательный. И я не придираюсь, – улыбнулся Гуров. – Просто в нынешней реальности распахнутые ворота и недоделанный забор – это все равно что прямое приглашение злоумышленникам – заходите. По крайней мере, такая ситуация предполагает наличие солидной охраны, а я ее здесь не вижу.

– Ну, какая-то охрана здесь наверняка есть, – предположила Мария. – Левитин, конечно, не олигарх, но без сопровождения не ходит. Хотя такой участок не оцепишь – это не шесть соток.

Они проехали через ворота. Гуров сбросил скорость и медленно подкатил к дому. С широкого крыльца навстречу гостям уже сходил хозяин – улыбающийся, розовый, в темном костюме и галстучке-бабочке.

– Наконец-то! – воскликнул он, раскинув руки и сбегая по ступеням. – А я уже отчаялся! Решил, что вы не приедете. Все уже в сборе – только вас не хватает. Позвольте!

Он церемонно поцеловал руку Марии, обнялся, как со старым приятелем, с Гуровым и повел обоих в дом. Прежде всего Левитину хотелось, разумеется, пустить пыль в глаза, похвастать своим новым домом – это Гуров понял сразу. И главным объектом этой демонстрации являлась, несомненно, Мария. Гуров здесь был всего лишь приложением. Не его восхищения ждал стареющий ловелас Левитин.

Гуров все это понимал, но только посмеивался про себя. А дом ему и самому понравился. В нем было одновременно торжественно и уютно – высокие потолки, резные балюстрады, сияющий паркет, живописные полотна на стенах в потемневших рамках – все настраивало на патриархальный семейный лад. В таком доме приятно было бы стариться в окружении бесчисленных домочадцев и челяди.

Правда, сейчас «дворянское гнездо» не поражало обилием народа. Даже удивительно, каким образом при отсутствии прислуги в столь обширном помещении поддерживались безукоризненная чистота и порядок. Впрочем, возможно, эта самая прислуга была отпущена на вечер. Роль хозяйки играла молодая, очень красивая девушка со смуглой кожей, голубыми глазами и льняными волосами. Она была со вкусом одета, имела превосходные манеры и великолепно исполняла роль хлебосольной и приветливой хозяйки. При этом она не вмешивалась ни в какие дискуссии и вообще почти не разговаривала – только улыбалась теплой многообещающей улыбкой. Женой Левитина она быть не могла, жена Левитина отдыхала на юге – это Гуров знал точно, но предположений на этот счет строить не стал, посчитав, что чужие отношения его не касаются. Звали женщину Анной, и этого Гурову было достаточно.

Помогал Анне тот самый Володя, о котором с таким теплом отзывался Левитин. Володя оказался грузным и мрачным человеком лет сорока пяти, в мешковатом костюме и криво повязанном галстучке. Этот Володя тоже большей частью молчал и озабоченно разглядывал углы, точно пытаясь вспомнить, где он оставил какую-то нужную вещь.

Гостей, кроме Гурова и Марии, было всего четверо – композитор Рыков, высокий седовласый человек с царственной осанкой и по-юношески блестящими глазами, какой-то чиновник из Министерства культуры, молодой, спортивного телосложения, в превосходном костюме – как ни странно, он единственный был в компании без галстучка, – известный тележурналист

Каморин, только что вернувшийся из Парижа, где снимал сюжет о гастролях московского симфонического оркестра, и еще один человек – демонического вида, с огненным взглядом, с залезшими черными волосами, в черном сюртуке, явно стилизованном под старинные одежды. В процессе беседы выяснилось, что это известный в определенных кругах специалист по паранормальным явлениям по имени Федор Верба. Гуров был уверен, что это имя – такая же стилизация, как сюртучок – реквизит бродячего фокусника. Занимаясь Верба тем, что вызывал из потустороннего мира духов, заглядывал в прошлое и предсказывал будущее, и делал это, судя по всему, удачно. Среди прочих автомобилей, припаркованных у дома, стоял новенький «Ауди» кремового цвета – он принадлежал Федору Вербе. Занимаясь средневековым ремеслом, Верба предпочитал передвигаться не в седле и не в карете, а в современной технике, оснащенной ремнями безопасности.

Однако во всем остальном он придерживался самых ортодоксальных взглядов. Нисколько не сомневался в существовании загробного мира и всех прочих убеждал в том, что духи и инкубы свободно разгуливают среди живых и даже немало на них влияют. Вид при этом он сохранял самый серьезный, и уличать его в неискренности было даже как-то неудобно. Кстати, и все прочие гости сочувственно относились к рассказам о привидениях. Даже культурный чиновник привел в пример что-то такое из детских воспоминаний – что-то о ночной прогулке по кладбищу. На веранде, где проходила основная дегустация яств и напитков, зажгли свечи, и обстановка приобрела поистине романтический оттенок.

Гуров понял, что вся сегодняшняя встреча запланирована именно в таком ключе, а потому ни в какие материалистические споры не лез. Хозяину новорожденного поместья, видимо, ужасно хотелось оживить тени прошлого, когда-то обитавшие в этих местах, убедить самого себя, что он не случайно здесь поселился, что все это было predetermined свыше. Отсюда и проистекали все фантазии, озвученные за щедрым столом. Гуров считал себя не вправе портить эту невинную игру и большей частью помалкивал, одобрительно улыбаясь.

Однако ближе к полуночи разговор вдруг приобрел не совсем приятные реалистические нотки, и внес их не кто иной, как мрачный Володя, числившийся в этом доме кем-то вроде управляющего. Он долго слушал разнообразные легенды о мертвецах и духах, звучавшие за столом, а потом вдруг сказал, хмуро глядя себе в тарелку:

– Про загробный мир ничего не знаю, а что у нас тут привидение шастает – это сто процентов! Главное ведь, совершенно бесшумно! Вот как тень, мелькнула – и нету! У меня уж ухо на что чуткое, а уследить не могу, и все тут! Два раза я его тут видел – возле дома ночью и туда пониже, к пруду. Главное, чего ему там-то делать? У нас там еще не благоустроено...

Последнее замечание немало позабавило Гурова. По мнению Володи, привидения не должны были интересоваться неблагоустроенными уголками. Это как-то снизило пафос беседы и подействовало лучше всяких критических аргументов. Гости смущенно примолкли, разговор начал увядать, да к тому же хозяин припомнил, что время уже позднее, и предложил всем отправиться отдыхать.

Гурову и Марии отвели большую удобную комнату в правом крыле здания, высокие окна которой выходили на сад и дорожку, ведущую к пруду.

– Жутко хочу спать! – призналась Мария. – Просто глаза слипаются. И это несмотря на то, что чужие стены. Должно быть, свежий воздух и вообще эта обстановка... Действительно, покой, тишина...

– А рассказы про духов тебя не напугали? – усмехнулся Гуров.

– Не очень. – Мария зевнула и присела на кровать. – А ты как будто не устал. Не собираешься лечь?

– А мне что-то совсем не хочется спать, – признался Гуров. – И по тем же причинам – свежий воздух, покой, тишина... Жаль упускать такую красоту. Вот раздумываю, не пройтись ли по ночному саду? Не весна, конечно, но все равно, должно быть, чудесно...

– Смотри, а то наткнешься на привидение! – хмыкнула Мария. – В твоих инструкциях сказано, что обязан делать милиционер в таких случаях?

– Разумеется, – серьезно ответил Гуров. – Такой вариант предусмотрен. В таких случаях милиционер обязан перекреститься и зачитать привидению его права...

– Понятно! Только выключи свет, когда отправишься на прогулку.

Мария откинула одеяло и с наслаждением упала на белоснежные простыни.

– Ого! Здесь, кажется, настоящая перина! – пробормотала она, засыпая.

Гуров выключил в комнате свет и отдернул тяжелую гардину, закрывавшую окно. Снаружи шелестел спящий сад. Левитин предупреждал, что сад запущенный, одичавший и что над ним еще нужно работать и работать, чтобы привести в божеский вид. Но тем не менее сад плодоносил, и в воздухе ощутимо пахло яблоками. Падалицей была усыпана в саду вся земля.

Гуров представил, как он идет по темным тропинкам и жесткие сочные яблочки потрескивают у него под ногами, а над головой сонно шепчет листва. Он уже почти собрался отправиться на ночную прогулку, как вдруг увидел проскользнувшую в темноте мимо окна фигуру. Гуров немного удивился – ему казалось, что все гости уже разбрелись по своим спальням. Возможно, неугомонный Володя на правах управляющего обходил свои владения. Но фигура, которую видел Гуров, не походила на тяжеловесную кургузую фигуру Володи. Это был кто-то молодой и спортивный – возможно, чиновник из Министерства культуры. Ему, видимо, тоже захотелось прогуляться на сон грядущий.

Бродить в компании Гурову, однако, не хотелось, и он со вздохом задернул штору. «Наткнемся друг на друга в темноте, – подумал он. – А потом будем рассказывать, что встречались с привидением. Надо ложиться. Завтра лучше выехать пораньше...»

Будильника в комнате не было, но Гуров вспомнил, что хозяин обещал разбудить всех не позднее шести часов – у каждого были дела в Москве, и все хотели отправиться по домам с утра пораньше. В такой ситуации хуже всего, конечно, приходилось голубоглазой Анне и вечно озабоченному Володе. Наверняка хлопоты насчет завтрака будут возложены на этих двоих.

«Все-таки любопытно, – подумал Гуров, – эта молчаливая красавица – всего лишь горничная или за ее присутствием в доме кроется что-то большее? Ладно, это не мое дело. Это просто здешняя обстановка настраивает на такой лад. Деревенская жизнь, как говорится...»

Гуров собирался задернуть штору и идти в постель, как вдруг до его слуха долетел испуганный крик. Гуров вздрогнул. Крик донесся из глубины сада. В голосе кричавшего слышалась неподдельная тревожная нотка.

«Это наверняка тот тип, что пошел на позднюю прогулку, – сообразил Гуров. – Но что там случилось? Судя по реакции, что-то не очень приятное. Нужно пойти посмотреть!»

Искать в темноте выход из дома ему не хотелось, и он попросту распахнул раму и вылез в окно. Мария уже спала, и так крепко, что ничего не услышала. Гуров мягко спрыгнул с подоконника на землю и быстрым шагом направился туда, откуда долетел крик.

Сначала ему показалось, что в доме, кроме него, никто не слышал тревожного призыва. Но вскоре, пробираясь через темные садовые аллеи, Гуров уловил поблизости чьи-то тяжелые шаги и сиплое дыхание запыхавшегося человека.

– Кто тут? – окликнул Гуров.

Шаги оборвались, а потом, треща ветками, на Гурова вывалился озабоченный и встревоженный Володя.

– А-а, это вы! – хмуро констатировал он и тотчас махнул рукой. – Вы тоже слышали?

– Да, кто-то кричал, – кивнул Гуров. – Кто бы это мог быть?

– Не знаю, – пожал плечами Володя. – Но мне кажется, в саду что-то есть!..

– Что-то? – неприятно поразился Гуров. – Вы имеете в виду...

– Да, имею! – сердито буркнул Володя, отворачиваясь и устремляясь дальше в садовые джунгли. – Не верите, что ли? Ваше право, а место здесь нехорошее. Не нужно было здесь

строиться! Должно быть, кости здесь чьи-то с дореволюционных времен покоятся, а стройка их потревожила...

Гуров торопливо шагал за Володей. Слышалось только шуршание ветвей и надсадное дыхание тучного человека. Вдруг Гуров схватил Володю за плечо и заставил остановиться.

– Тс-с! – сказал он. – Слышите?!

Володя недоуменно покрутил головой.

– А что такое? – пробурчал он. – Ничего вроде не слышу.

– Нет-нет, прислушайтесь! – поднял палец Гуров. – По-моему, машина!

В ночном воздухе растаял звук удаляющегося автомобиля. Володя пожал плечами.

– Может быть, – нетерпеливо сказал он. – А чего особенного?

– Да в принципе ничего, – согласился Гуров. – Но все-таки странно – откуда здесь в такое время машина?

– Километрах в семи отсюда поселок, – сказал Володя. – Могли оттуда ехать.

– Мне показалось, что мотор заработал только что, – возразил Гуров. – Впрочем, наверное, это неважно. Давайте попробуем покричать? В этой темноте ни черта не видно!

– Кого вы собираетесь кричать? – подозрительно спросил Володя. – Вы уверены, что вас услышат?

Не сосредоточиваясь на мистической подоплеке вопроса, Гуров спокойно ответил:

– Мне показалось, что несколько минут назад в сад отправился кто-то из гостей. Вроде бы этот чиновник... не помню его фамилии...

– Я тоже не помню. Зовут Савелий Вениаминович, – сказал Володя. – А зачем он поперся в сад?

– Вот уж не знаю! Может быть, как и вы, что-то увидел.

– Только этого еще не хватало! – вздохнул Володя. – С непривычки сердце прихватит и...

– Не должно! Молодой, спортивный...

– Инфаркт, он не разбирает, – убежденно заявил Володя, снова углубляясь в садовые заросли. – Вы сейчас осторожнее – тут у нас места совсем дикие, которые гостям и не показывают. Тут корчевать и корчевать... А за этими кустами пруд.

– Так пруд нам показывали!

– Это с другого конца, – объяснил Володя. – Там все-таки немножко облагородили, а здесь не успели. Да где успеть, если денег море нужно. Ну, сами представьте, такой периметр!..

Он остановился и принялся озираться. Близость пруда чувствовалась – потянуло прохладой и запахом ряски.

– И где же ваш Савелий Вениаминович? – недовольно спросил Володя.

Он неожиданно достал из кармана электрический фонарик и зажег его.

– Совсем забыл, – объяснил он. – Про фонарик забыл – от расстройства. Да и чем он, этот фонарик, поможет, если...

Речь его оборвалась, словно на голову Володе накинули плотный мешок. Луч фонаря уперся в человеческое тело, распростертое на голой земле. Оно лежало метрах в десяти от Гурова с Володей, но даже в свете фонаря было видно, что и тело, и все вокруг обильно забрызгано кровью.

– Подержите! – изменившимся голосом простонал Володя и сунул в руки Гурову фонарь.

Сам он с головой погрузился в кусты. Его начало рвать. Гуров бросился вперед, упал на колени перед раненым и коснулся пальцами его шеи. Гуров не ошибся – это был тот самый чиновник из Министерства культуры, которого Володя назвал Савелием Вениаминовичем. Пульс на его сонной артерии бился слабо, с перебоями.

– Эй, вы там! – грубо крикнул Гуров, оборачиваясь к Володе. – Возьмите себя в руки! Нужно перетащить этого парня в дом.

Управляющий вынырнул из кустов. Он был растерзан и бледен. Вытирая рукавом рот, Володя с опаской приблизился и дрожащим голосом спросил, что ему делать.

– Берите за ноги! – распорядился Гуров. – Я за плечи. И держите крепче, не уроните. Парню и без того досталось.

– Что с ним? – с ужасом прохрипел Володя.

Он судорожно вцепился в ноги раненого человека и вместе с Гуровым потащил его к дому.

– Похоже, его пырнули ножом.

– Ножом? Какой ужас! Но кто мог?!

– Вам лучше знать, – сказал Гуров сердито. – Ваше поместье!

Раненый вдруг зашевелился, открыл глаза и что-то пробормотал.

– Что такое? – Гуров наклонился почти к самому его рту.

– В пижаме... привидение... в больничной пижаме... в пальто...

– Что?!

Раненый еще что-то прошептал, но звуки, вырвавшиеся из его рта, становились все слабее и неразборчивее, а потом вдруг завершились судорожным вздохом, после которого наступила тишина.

– Опускаем! – мрачно сказал Гуров. – Поздно.

Глава 3

Меры безопасности в больнице выходили за рамки обычного фейсконтроля на входе. Возможно, в истории учреждения имелись прискорбные случаи, которые могли служить достаточным для того основанием, но могло быть и так, что руководство просто неукоснительно соблюдало все инструкции и рекомендации по противодействию терроризму. Причины могли быть разными, но они нисколько не интересовали человека, который наблюдал за действиями больничной охраны, сидя в автомобиле с затемненными стеклами, припаркованном напротив больничных ворот. Охранников было двое – серьезные, но корректные хлопцы в наглаженной пятнистой униформе старательно знакомились с документами любого посетителя, вознамерившегося проникнуть на территорию больницы. Палку они не перегибали и какую-нибудь согбенную бабушку, пришедшую навестить приболевшего мужа, пропускали без досмотра. Да и вообще все их действия напоминали хорошо выученный спектакль, играемый уже автоматически. Вряд ли ребята надеялись выявить таким образом диверсанта-террориста. Просто им платили за это деньги.

Но человек, наблюдавший за ними, прекрасно знал, чего он хочет. Попасть на территорию больницы было несложно. Однако после того, что он должен там сделать, будет очень непросто выйти, и человек (которого звали Марк) тщательно обдумывал способ своего будущего отхода.

Забор отпадал сразу. Он был слишком высоким, монолитным и поверху отделан вмурованным в бетон бутылочным стеклом. Не сказать чтобы препятствие казалось совершенно непреодолимым, но, по некоторым причинам, воспользоваться этим путем Марк не планировал. Снаружи все должно было выглядеть пристойно и тихо до последней минуты.

Совсем другое дело внутри. Внутри малой кровью не обойдешься. Тем более важно, чтобы при отходе никто не обратил внимания на суету. Правда, наниматель поставил условие: действовать по возможности бескровно. Его бы устами да мед пить. По всем параметрам без драки не обойтись. А где драка, там все возможно. Марк это понимал, надеялся, что и наниматель понимает тоже. Во всяком случае, на наивного человека он никак не похож. Да и вообще сильно напрягаться по этому поводу не стоит. Вот доберутся они до объекта, передадут его нанимателю и разбегутся все, будто и не встречались никогда. Все огрехи и нестыковки спишет, как обычно, время.

Марк еще некоторое время понаблюдал за действиями охранников, а потом достал из кармана мобильник и набрал номер.

– Это Король! – объявил Марк. На время операции все фигуранты получили псевдонимы по названиям игральных карт. – Я у ворот. Выйти можешь? Через полчаса? Годится. Жду.

Через полчаса из ворот бочком выкатился невзрачный до незаметности юноша, худой и бледноватый, со светлыми тонкими волосами. Поверх белого халата санитаря у него было наброшено вытертое осеннее пальтишко. Звали его Виктором, а по карточной классификации он был Семеркой, но только из-за того, что «шестерка» звучало слишком обидно. Ведь, несмотря на молодежливую внешность, Виктор уже давно разменял тридцатник и был парень не промах. В отделение реабилитации он был внедрен в качестве санитаря две недели назад и успел за это время многое сделать. Однако перепроверить лишний раз не мешало.

– Я на две минуты, – бесцветным голосом сказал он, втискиваясь на заднее сиденье за спиной Марка. – Работы много.

– Ты, я смотрю, прямо втянулся в работу, – с холодной иронией заметил Марк. – Молодец, так и надо. А что там наш пациент?

– А что? Дышит. И над ним дышат. Пылинки сдувают. Шучу. Два лба в коридоре торчат, как обычно. Один на мобиле в тетрис играет, а другой в сортир то и дело выходит покурить. Они пациента овощем считают.

– А Длинный сегодня был?

– Был утром. Приехал, у кровати постоял, потом ушел. С врачом даже не разговаривал.

– А пациент? Ты уверен, что он оклемался?

– На сто процентов! Я же там вроде мебели. Выношу дерьмо с каменной рожей. Эмоций – ноль. Практически сам как овощ. На такого никто внимания не обращает. Вот и этот. Как заметит, что в палате никого из персонала нет, так у него в глазах сразу мысль появляется. Лежит, думает, иной раз по целой ночи не спит – думает. И не сказать что он на чокнутого похож. Я уверен, что он все помнит, а с врачами дурачку гонит. Он и охрану около себя сразу усек. А Длинного вообще, по-моему, узнал. Да, еще одна новость – он по ночам вставать стал, разминаться, по палате ходить... Одним словом, притворяется он. И наверное, деру дать хочет.

– А вот родственник к нему приезжал, он с ним не сговаривался случайно?

– Если и сговаривался, то я-то как об этом узнаю? Я же не торчу там постоянно. Но вообще краем глаза я этот момент засек. При родственнике он еще сильнее прикидывался, по-моему. Тот недовольный ушел.

– В принципе логично, – задумчиво проговорил Марк. – Родственник на него злой. Он же ему машину угробил... Ладно, раз, ты говоришь, он притворяется, значит, сегодня все и оформим. Твое дело будет его поднять и до машины сопроводить. Вряд ли он хорошо ходит, ему наверняка поддержка нужна. Да и вообще, мало ли что ему в голову взбредет. Сторожа в восемь меняются? Значит, в полвосьмого начнем. Ты жди моего звонка.

– А ты сейчас куда? – спросил Виктор. – До полвосьмого еще прорва времени.

– Мне еще до черта дел сделать надо!

Виктор почесал бледную щеку, пристально посмотрел на Марка, вполоборота развернувшегося на переднем сиденье, и сказал:

– Завидую я тебе! При галстучке, тачка комфортабельная, ботиночки со скрипом... А тут возись с говном, и никто спасибо не скажет.

– Ты не за спасибо работаешь, – напомнил Марк. – А насчет галстучка и прочего – так это, друг мой, от квалификации зависит. Ты у нас исполнитель – разве не так?

– Так-то оно так, – согласился Виктор. – Потому и завидую.

– Ладно, иди, а то хватятся тебя – выговор с занесением получишь! – усмехнулся Марк. – Последний день уж потрудись на славу... Только смотри, окажется наш пациент овощем – несдобровать тебе!

– Я попусту трепаться не люблю, – сухо сказал Виктор и вылез из машины.

Марк проследил, как он спотыкающейся, семенящей походкой скрывается за воротами больницы, и снова достал мобильник.

– Туз! Это Король. Пришли мне смену, – сказал он невидимому абоненту. – Пусть держит въезд под контролем. А я буду к вечеру готовиться. Рассчитываю после двадцати ноль-ноль доставить пациента куда следует.

– Хорошо, я предупрежу, – скупой ответил тот, кого поименовали Тузом. – Но ты уверен, что все пройдет гладко?

– Ты знаешь, я ни в чем не уверен, – сказал Марк. – Но скорее всего, сегодня должно получиться. Тут все спокойно.

– Хорошо, занимайся, – разрешил Туз. – Но держи меня в курсе.

После этого Марк стал претворять в жизнь план, сложившийся в его голове. Помогали ему трое молчаливых и тренированных молодых людей, на которых он мог положиться, как на самого себя. Поздно вечером все было готово.

А к семи часам возле больницы появился автомобиль. После недолгой беседы водителя с охраной он въехал во двор и остановился у дверей приемного покоя. Двое молодых людей вывели из машины третьего, бледного и потного, и проводили на осмотр к врачу. Марк, который сидел за рулем, посмотрел на часы.

Легенда, которую он преподнес охранникам на входе, звучала так. Они с товарищами ехали по домам после работы и вдруг увидели лежащего на тротуаре человека. Они остановились и убедились, что человеку плохо. Тогда они, движимые чувством сострадания, незамедлительно доставили его в ближайшую больницу.

Легенда выглядела достаточно правдоподобно. Внешность у пассажиров была солидная, пострадавший убедительно изображал муки и страдания. Никаких подозрений ни у кого не возникло. Машину (совсем недавно угнанную из одного из московских дворов) беспрепятственно пропустили на территорию больницы. Марку только этого и надо было.

По его расчетам, осмотр мнимого больного должен был занять не менее десяти минут. Захар, который изображал несчастного, был настоящим артистом и мог ввести в заблуждение кого угодно. Он мог водить врача за нос и дольше десяти минут, но Марк поставил себе жесткое условие – уложиться за десять. Затягивать представление было неразумно.

Едва сообщники увели Захара, Марк сбросил легкое пальто, в которое был одет. Под ним обнаружился идеально выглаженный белый халат. В белом халате, в строгом галстуке, великолепно постриженный и выбритый, Марк выглядел очень солидно. Увидев его, никто бы не стал сомневаться в том, что перед ним настоящий доктор. Больница большая, и вряд ли даже старожилы могут знать всех сотрудников в лицо. Для пушшего правдоподобия на груди у Марка был закреплен бейдж с посторонней фамилией. В руках Марк держал пластиковую папку для бумаг – он заметил, что в этой больнице в таких хранят истории болезни. Но в папке у Марка лежал сейчас пистолет с глушителем. Хотя те, кто присматривал за пациентом, по словам Виктора, окончательно потеряли бдительность, ожидать следовало любого продолжения событий.

Незаметно выскользнув из машины, Марк с уверенным видом зашагал через больничный двор. Схему больницы он выучил наизусть и ошибиться не боялся. Мелкие подробности, которых он не мог предвидеть, регулярно сообщал Виктор. Все было продумано.

В корпус, где лежал их пациент, Марк вошел с черного хода. Одна из дверей оказалась незапертой. Марк очень надеялся на забывчивость или безалаберность персонала. Лишний раз светиться на главном входе не было никакого резона. Внешность у него достаточно заурядная, но мало ли как может обернуться дело.

С деловитым видом он взбежал по черной лестнице на четвертый этаж. Никто ему не встретился. Вообще вокруг было пустынно – дело шло к ночи, все дневные дела были переделаны, большинство врачей разошлись, и жизнь в больнице тоже затихала.

Остановившись на последней лестничной площадке, Марк достал мобильник и набрал номер Виктора.

– Я уже здесь, – коротко сказал он.

В голосе Виктора явственно послышалась досада.

– Один в палате, – резким шепотом ответил он. – Засел там, как проклятый!

– Второй? – спросил Марк.

– Курит. В сортире.

– Наш?

– Вроде спит. Может, притворяется.

– Одежда?

Виктор замылся, и Марк понял, что эта часть плана сорвана. Раздобыть одежду пациента Виктору не удалось, хотя первоначально он заявлял, что это не составит для него труда. Но времени обсуждать этот вопрос не было.

– Персонал?

- Заняты в другой палате. Там в конце коридора кому-то плохо – все туда побежали.
- Ясно, – сказал Марк. – Будь наготове. Я уже здесь.

Он сложил трубку и сунул в карман. Все с тем же деловым видом проследовал в отделение. Огляделся по сторонам, поправил узел галстука.

Стерильно чистый, с белыми светильниками по стенам, коридор был пуст. В этом отделении ходячих больных было немного. Около дверей в палату маячил Виктор. Руки его были засунуты в карманы белого халата, на лице – выражение равнодушия и беспредельной тупости. Такое лицо – тоже своего рода талант, но лишь немногие это понимают.

Виктор взглянул на Марка и посторонился. Держа в руках пластиковую папку, Марк толкнул дверь и перешагнул порог палаты. Среднего роста мужчина в мятом белом халате, надетом поверх серого пуловера, лениво обернулся. На его смугловатом блинообразном лице появилась гримаса удивления. Личность Марка была ему незнакома, и, несмотря на солидное обличье незнакомца, охранник насторожился. Марк понял это сразу.

– Здравствуйте! – негромко сказал он, кивая в сторону больничной койки, на которой спал или притворялся пациент. – Вы здесь санитар? Поможете перевести больного в другое крыло?

Это была чистой воды провокация, рассчитанная на то, чтобы ошеломить противника и одновременно выявить, на что он способен.

Как и предполагал Марк, первым делом охранник отвалил челюсть.

– Как то есть перевести? – забеспокоился он. – Насчет этого больного есть строгая договоренность... Вы знаете, что он находится в коме?

– Еще бы я не знаю! – веско сказал Марк. – Я специалист по этим вещам. А договоренность поменялась. Теперь больной пойдет ко мне в отделение.

– Да кто вы такой? – опомнился наконец охранник и решительно двинулся на Марка. – Я вас вообще первый раз вижу!

– Ба! – с тихим удивлением проговорил Марк. – Больной-то от нашего шума из комы вышел!..

Охранник непроизвольно обернулся в сторону кровати. Марк заученным движением высоко выбросил ногу и нанес сокрушительный удар в его нижнюю челюсть. Голова охранника мотнулась, как у куклы, и он повалился на пол возле прикрытого белой шторой окна. Марк быстро наклонился и приподнял потерявшему сознание охраннику веко.

– С четверть часа проваляться должен! – вполголоса проговорил Марк, затолкал тело под кровать, встал и наклонился над больным.

На него смотрели два совершенно осмысленных и даже испуганных глаза.

– Ага! Значит, вы все-таки вышли из комы, господин Бекас! – удовлетворенно произнес Марк. – Мы так и предполагали. Тогда поднимайтесь. Нам нужно идти, и времени у нас катастрофически мало.

– Я никуда не пойду! – неуклюже ворочая губами, проговорил пациент. – Я болен. Оставьте меня в покое!

– Не получится! Не получится оставить вас в покое, – мотнул головой Марк. – И вы сами знаете почему. Вы ведь что-то кому-то должны, не так ли?

– Я ничего не помню, – упавшим голосом ответил Бекас. – И никуда не пойду. Я позову сейчас на помощь.

Словно услышав его, в палату вдруг влетел человек – высокий, с длинными жилистыми руками. Его появлению предшествовал короткий шум за дверью – вероятно, Виктор пытался воспрепятствовать, но потерпел фиаско.

Человек был возбужден сверх меры – видимо, он что-то почувствовал. Увиденное окончательно уверило его в том, что дело плохо. Он рванул из-за пояса пистолет, но сделать с ним

ничего не успел. Марк мгновенно сунул руку в пластиковую папку для бумаг и выстрелил из пистолета с глушителем. В суматохе щелчок выстрела был практически неразличим.

Однако Виктор его услышал и тут же влетел в палату. На его лбу темнел свежий кровоподтек. Виктор подхватил сзади начинающего падать лицом вниз охранника и с натугой удержал его от резкого падения.

– Готов! – пробормотал он, поднимая глаза на Марка. – Я ничего не мог сделать. Он как почувствовал. Выскочил из сортира и рванул прямо в палату.

– Ладно, проехали! Покарауль у двери! – сказал Марк и снова повернулся к пациенту. – Видели, господин Бекас, как все оборачивается? Лучше бы вам не спорить и пойти с нами по-хорошему. Вы же все понимаете – сегодня не пойдете, завтра вас ногами вперед вынесут. Быстро!

Он резко сдернул с больного одеяло. Бекас вздрогнул, точно ожидая удара, а потом неловко поднялся, сел в кровати.

– Голова кружится, – сказал он.

– Ничего, вы в лучшей форме, чем хотите показать! – заметил Марк. – Мы знаем, что вы упражняетесь по ночам. Поднимайтесь! И пошевеливайтесь, если не хотите снова впасть в кому.

Он нетерпеливо подтолкнул Бекаса в плечо. Тот встал, сунул ноги в тапочки, аккуратно стоявшие возле тумбочки. Марк сделал знак Виктору. Вдвоем они подняли с пола тело убитого охранника, бросили его на кровать, закрыли с головой одеялом.

– Быстро посмотри, чисто ли в коридоре! – сказал Марк.

Виктор выскочил за дверь и тут же появился снова.

– Вперед! – сказал он. – Все тихо.

Они вышли. Санитар впереди, за ним подталкиваемый в спину Бекас и, наконец, спокойный сосредоточенный Марк. До двери черного хода было всего несколько шагов. Смятенный, высохший от долгого лежания Бекас преодолел их с трудом, но все равно это заняло не более половины минуты.

Едва дверь закрылась за ними, как Марк и Виктор подхватили пациента и почти бегом потащили его вниз. Спуск занял около минуты. На выходе Бекаса поставили на ноги, и Марк строго предупредил его:

– Спокойно, без паники следуем до машины. По дороге подумайте о том, что вы еще молодой человек и жить вам еще долго, если... Ну, вы меня понимаете. Вперед!

Бекас все понял. Спотыкаясь, он торопливо зашагал через больничный двор, поддерживаемый с обеих сторон своими спутниками. Уже начинало смеркаться. На территории зажглись фонари. На людей в белых халатах, ведущих куда-то больного, никто не обращал никакого внимания. Бекас озирался по сторонам. В его глазах тоска мешалась со жгучим интересом. Он так давно ничего, кроме своей палаты, не видел, так давно не вдыхал свежего влажного воздуха, что даже теперь, в подневольной обстановке, испытывал необъяснимую радость от встречи с большой жизнью. Звать на помощь он не собирался. Его положение было настолько двусмысленным, что рассчитывать на чью-либо помощь он не мог и не надеялся на нее. Неосторожный поступок мог только повредить ему. Бекас мучился, но ждал. Возможно, он надеялся, по русскому обычаю, на чудо.

Но чудо пока не приходило. Около приемного покоя среди прочих машин стоял серый фургон «Тойота», в который Бекаса и затолкали. Внутри уже находились трое человек. Тот, что совсем недавно изображал умирающего, теперь спокойно курил, выпуская дым струйкой в приоткрытое окошко. Все молча подвинулись, освобождая место Бекасу. Марк сбросил белый халат и занял место за рулем. Оглянувшись назад, он оценивающе оглядел пассажира и швырнул ему свое пальто.

– Наденьте! – распорядился он. – Не нужно, чтобы видели вашу пижаму.

Санитар Виктор снял халат, залез в кабину. Медленно поехали в сторону ворот.

– Как прошло? – не оборачиваясь, спросил Марк.

– Нормально, – ответил тот, что курил. – Отнеслись с душой. Сказали, вероятнее всего, последствия переутомления.

– Придется тебе молоко выписать, – хмыкнул Марк.

– От бешеной коровки, – добавил «больной». – Граммов полтысячи.

– Договорились, – кивнул Марк.

– А у тебя как?

– Неважно, – скривил губы Марк. – Грязновато получилось. Можно было и поаккуратнее.

– Самокритично!

– Забейся в щель и молчи! – бросил через плечо Марк. – А то пацаны на входе удивятся, чего это ты так оживился... А в следующий раз ваньку валять я буду, а ты с «пушкой» пойдешь.

Подъехали к воротам. Охранник мельком покосился на машину и продолжил разговор с напарником. Отъезжающие их, кажется, вовсе не волновали.

Покинув больницу, серый фургон покатил на северо-запад Москвы, старательно выбирая путь подальше от шумных перекрестков и милицейских постов. Не доезжая Химкинского лесопарка, свернули к лесопосадкам вдоль железнодорожного полотна, остановились под кронами молодых деревьев. Совсем рядом в густом сумраке мигнул и погас свет фар. Марк выключил мотор, обернулся к своим спутникам.

– Виктор остается. Остальные со мной, – распорядился он. – Приготовьте на всякий случай «пушки». Приближается момент расчета. Возможны всякие неожиданности.

– А мне что делать? – жалобно пробормотал Бекас.

Его слегка трясло. Пытаясь согреться, он поднял воротник пальто.

– Вот странно! – сказал Марк. – Что ему делать! Ничего не делать. Просто расслабься и получай удовольствие!..

Он хрипло хохотнул, но в его смехе почти не было веселья.

– Ты год на койке валялся, – поддакнул санитар Виктор. – Ходить чуть не разучился. А еще спрашивает, что ему делать. Слушай, чего тебе говорят, и делай!

– А все-таки? – с тревогой спросил Бекас.

– Выходи из машины! – приказал Марк. – С нами пойдешь. Виктор остается в машине. Будь внимателен. Мотор включи. Мало ли чего?

– Понял, – сказал Виктор.

Все прочие вышли из машины, неторопливо зашагали к тому месту, где в вечернем воздухе темнели неясные фигуры. Когда до них оставалось не более пяти шагов, вспыхнули яркие лучи фонарей.

– Убери! – зло сказал Марк, загораживаясь рукой. – Не в театре!

– Должны же мы видеть, кто расхаживает тут в темноте! – ответил насмешливый голос.

Однако фонари погасли.

– Мы привели вам вашего человека, – сказал Марк. – Прошу убедиться и расплатиться.

Фонарь снова вспыхнул, чтобы дать возможность заказчикам рассмотреть лицо Бекаса.

– Это, несомненно, он, – сказал немного погодя рассудительный голос. – Посадите его в машину!

– Э, стоп! – недовольно перебил его Марк. – Во-первых, на нем мое пальто. Во-вторых, деньги вперед.

– Разумеется, – произнес все тот же рассудительный голос. – Все, что заработали, вы получите. У кого деньги?

Вперед выступил какой-то невысокий человек с пакетом в руках. Он протянул пакет Марку. Одновременно вспыхнул фонарик, чтобы Марк смог заглянуть в пакет. Он это и сделал. После чего настроение его мгновенно изменилось.

– Мать вашу!.. Вы со мной шутить вздумали? – процедил он сквозь зубы, отбрасывая пакет далеко в сторону.

Видимо, дальше должно было последовать с его стороны нечто угрожающее, может быть, с применением оружия. Во всяком случае, Марк сделал именно такое движение, будто собирався выхватить пистолет. Но тут окружающие его тени пришли в движение – с нескольких сторон воздух прорезали огненные вспышки. Звуки выстрелов совпали с шумом порожнего товарняка, который загрохотал по рельсам где-то за деревьями. Марк споткнулся, нелепо раскинул руки и рухнул лицом в траву. Его спутники также были в одно мгновение срезаны выстрелами. Лишь ошеломленный и окаменевший Бекас стоял посреди трупов и все сильнее дрожал, несмотря на застегнутое на все пуговицы пальто.

– За этим проследить! – скомандовал тот, что был здесь главным. – Остальные – проверить машину!

Четверо молодых людей сорвались с места, побежали к фургону. Бекас вспомнил про Виктора, который остался за рулем, и в мозгу его будто бесстрастно щелкнул счетчик, приплюсовав еще одного покойника.

Но Виктор уже разобрался в ситуации. Это лишь внешность у него была туповатого увальня – соображал он куда быстрее многих. Еще услышав треск первого выстрела, он открыл дверцу и, пригнувшись, вывалился из фургона на землю, а там, вскочив на ноги, но согнувшись под прямым углом, устремился в темнеющие с каждой минутой лесопосадки. Погоня отстала.

Виктор несясь, обдирая лицо о ветки, туда, где, невидимый, грохотал поезд. До железной дороги было рукой подать, но бежать среди деревьев, в темноте было нелегко. Впрочем, преследователям было так же трудно. Поняв, что Виктор может уйти, они открыли стрельбу. Прозвучало всего три-четыре выстрела – видимо, стрелков смущала близость жилых кварталов, – но одна пуля царапнула ухо Виктора. Обожженный болью, он на несколько секунд потерял ориентировку и заметался среди деревьев как заяц. Его заметили и почти догнали. Кто-то уже схватил его за полу мягкого пиджачка, но Виктор вывернулся и со звериной яростью лягнул догнавшего его человека в лицо. Тот вскрикнул и, опрокинувшись на спину, укатился в какую-то яму между двумя березками.

Виктор удвоил усилия и побежал дальше к железной дороге. Он протиснулся сквозь колючие, воняющие мазутом кусты, спрыгнул вниз и стал карабкаться на насыпь прямо к несущемуся мимо товарняку. Сзади прогремел еще один одинокий выстрел. Пуля ударилась о гравий. Каменная крошка, точно огненными искрами, прошла по руке Виктора. Он инстинктивно отдернул руку, но скорость не снизил. Мимо неслись темные вагоны. Состав был длинный.

Виктор заметил приближающуюся тормозную площадку. Собравшись, он подпрыгнул и вцепился в липкий поручень. Поезд потащил его за собой с невероятной силой. Напрягая мышцы, Виктор взобрался на площадку и оглянулся. По белеющей в темноте насыпи бежали, спотыкаясь, три черные фигуры. Виктор понял, что они не успевают вскочить на его площадку, и даже испустил торжествующий вопль. Но долго торжествовать не стал, потому что состав еще не кончился, и преследователи могли запрыгнуть на другой вагон. Тогда он перебрался на другую сторону площадки, спрыгнул вниз, упал на землю, несколько раз перевернулся, безнадежно испачкав костюм, но тут же вскочил и помчался к лесопосадкам на противоположной стороне железной дороги. Через минуту он скрылся в зарослях.

Преследователи дождались, пока последний вагон поезда протащился мимо, и стали всматриваться в темноту за железнодорожными путями.

– Ладно, тут до утра можно по кустам лазать, – сказал один. – Пошли назад. Повезло говнюку.

Отправились назад. По пути к ним присоединился четвертый. Он ничего не говорил, но время от времени шупал нижнюю челюсть, по которой проехался ботинок Виктора.

Когда возвратились, все уже сидели в машине. Расселись по местам. Тот, кому заехали ботинком, сел за руль. Главный сделал знак, и «Мерседес», подминая траву, медленно тронулся с места. До жилых кварталов было рукой подать, и вскоре они свернули на асфальт. Сделав несколько кругов по окраинным улочкам и убедившись, что все тихо, выехали на Кольцевую автодорогу.

– Вы его догнали? – спросил главный.

– Ушел, гад! – мрачно сказал кто-то. – Смагину вон чуть челюсть не свернул.

– Надо бы! – мстительно сказал главный. – Олухи царя небесного! Молитесь теперь, чтобы этот урод в прокуратуру не пошел.

– После того, что случилось? Вряд ли!

– Я и говорю – молитесь!

Главный помолчал немного и обернулся к съжившемуся на заднем сиденье Бекасу.

– Господин Бекас, вы как будто не рады встрече с нами? Вы себя хорошо чувствуете?

– По правде говоря, я неважно себя чувствую, – срывающимся голосом ответил Бекас. – Я болен. Я ничего не помню...

– Не преувеличивайте! Мне сообщали, что вы давно пришли в себя, но тщательно скрывали это ото всех. Так поступают только в тех случаях, когда наверняка что-то помнят. Что-то очень важное. Например, то, где спрятали информацию, за которую должны были получить большие деньги.

– Да, но я никаких денег не получил! – почти истерически выкрикнул Бекас. – Более того, меня чуть не убили, меня вычислили! Меня стерегли в палате, чтобы я не сбежал! Вам это ни о чем не говорит?

– Отчего же? Это прежде всего говорит о том, что вы олух царя небесного. С самого начала мы предупреждали, что вы должны вести себя осторожно. Единственное оправдание вам, что информация все-таки не вернулась к своим хозяевам. Только поэтому вы еще представляете для нас интерес.

– Не понял! – нахмутив лоб, проговорил Бекас. – Вы надеетесь отыскать то место, где...

– Это вы отыщете это место! Ведь его выбирали вы, не так ли?

– Это было так давно. Я почти год провалялся в коме. Столько воды утекло. Не уверен, что мне удастся...

– Послушайте, господин Бекас, не валяйте дурака! Мы настроены очень серьезно. И вам советуем отнестись к этому столь же серьезно. – Заказчик начинал сердиться не на шутку. – Мы немедленно едем туда, где вы запрятали информацию, и вы передаете ее нам...

– Прямо сейчас?! Это невозможно! Мне нужно хотя бы немного отдохнуть. День или два...

– Не говорите чепухи! Мы ждали год, пока вы очухаетесь. И вы требуете, чтобы мы ждали еще? Не испытывайте наше терпение! Видели, как мы поступаем с теми, кто нам мешает?

– Видел, – упавшим голосом сказал Бекас. – Но я в самом деле ни на что сейчас не годен. Мне даже просто стоять сложно. Как я буду сейчас искать тайник на лоне природы?

Заказчик задумался. Его крупное породистое лицо казалось хмурым и неприветливым. Он критически осмотрел съжившуюся фигуру Бекаса и махнул рукой.

– Ладно! Дадим вам несколько часов отдыха. Но завтра... Последнее сообщение от вас было «Я оставил товар в развалинах. Романтическое место. Очень живописный уголок и совсем недалеко от Москвы...». Это дословно. Если завтра мы не посетим этот живописный уголок и вы не передадите нам то, что давно должны передать, то...

– Но у меня два условия, – торопливо сказал Бекас. – Во-первых, вы сразу заплатите мне обещанную сумму, а во-вторых, укроете меня на некоторое время. Оставаться здесь слишком опасно. Вы должны помочь мне перебраться за границу.

– Придется помочь, – преувеличенно бодро сказал заказчик. – Мы свои обещания выполняем.

– Меня тоже не в чем упрекнуть, – помедлив, ответил Бекас. – Мне просто не повезло.

Глава 4

– Да, нехорошо вышло! – Генерал Орлов покрутил седеющей головой. – И неприятнее всего, что ты там оказался – именно в этом месте и именно в эту ночь!

– Ну, – развел руками Гуров. – Знать, где упадешь, соломки заранее постелил бы. Нам-то, допустим, просто неприятно, а каково жене этого самого Савелия Вениаминовича? Муж ушел на вечеринку и погиб!

– Говорят, что с женой у него было не все ладно, – пробурчал Орлов. – Дело шло к разводу. Потому и на вечеринку пошел один. Не хочу сказать, что это как-то связано с убийством, но вроде бы грустить она по этому поводу не расположена.

– Ну, это мне непонятно, – признался Гуров. – Мы-то все там были в шоке, хотя, например, мы с Марией этого человека практически и не знали.

– А что он там вообще делал? Он что, в близких отношениях с Левитиным?

– Мне так не показалось. Скорее в деловых. Наверное, мог в чем-то поспособствовать – бюджет, словечко, сказанное нужному человеку...

– Сейчас такие отношения и считаются самыми близкими, – невесело усмехнулся Орлов. – Одним словом, Лев Иванович, ты эту кашу как бы заварил, тебе ее и расхлебывать. Есть мнение назначить на это дело тебя – ну и твоего полковника Крячко, естественно.

– Есть ли смысл? – поморщился Гуров. – Мне кажется, с этим делом справится и местная милиция.

– Ты сам-то понял, что сказал? – проворчал генерал. – Погиб чиновник федерального масштаба. Убийство. Кто его доверит районному отделению милиции? Тем более ты там присутствовал. Нет, тут уже без вариантов.

– Неудобно, – пожал плечами Гуров. – Вчера я у Левитина коньяком угощался, а сегодня допросы с него снимать должен. У мужика и без того стресс.

– Он хорошо поет, этот Левитин! – неожиданно заметил Орлов, и глаза его мечтательно затуманились. – Помню, лет тридцать назад... Нет, двадцать! В общем, был я у него на концерте. Тогда по-настоящему пели – не то что сейчас, под «фанеру»... – Он презрительно скривился, будто откусил что-то несъедобное. – До сих пор впечатления... Нет, я уверен – такой человек, как Левитин, не может пойти на убийство!

Гуров посмотрел на начальника с удивлением.

– Ты меня прости, Петр Николаевич! – сказал он. – Но я с самого начала ни минуты не сомневался в невинности Левитина. Абсурд! Зачем ему убивать не слишком знакомого человека, которого он, наоборот, собирался заинтересовать, привлечь на свою сторону? Нет, это убийство во многом случайное. Я убежден в этом. Ни у кого из присутствующих не было мотива убивать Савелия Вениаминовича.

– Получается, со стороны приехали? Выманили в сад и зарезали? Сложновато, но возможно. В таком случае нужно искать, кто был осведомлен о том, как собирался провести вечер наш чиновник.

– Нет, это невероятно, – покачал головой Гуров. – Вообще-то я немного поговорил с Левитиным, Петр Николаевич, – и если верить ему, то Савелий Вениаминович не предполагал ехать на эту вечеринку. У них в министерстве должно было состояться совещание, которое в последнюю минуту отменили. Тут он вспомнил про приглашение и решил отправиться на природу. Сам говоришь, что семьи у него как таковой уже не было.

Гуров немного лукавил, когда признавался генералу в нежелании снимать допрос с Левитина. На самом деле он уже успел довольно подробно поговорить со всеми участниками трагического вечера и узнать достаточно, чтобы составить некоторое мнение о происшедшем. Во всяком случае, у него сложилось твердое мнение, что ни хозяин, ни гости не имеют ни малей-

шего отношения к преступлению. Но кто имеет отношение? Ответа на этот вопрос не было. Возможно, его следовало искать в каких-то потаенных уголках биографии погибшего, возможно, свершившееся злодеяние каким-то образом было связано с тем местом, куда несчастливая судьба забросила Савелия Вениаминовича. Возрожденное поместье с самого начала вызывало у Гурова какое-то странное чувство – при всем душевном расположении к этому месту он испытывал легкое, но неотвязное беспокойство. Возможно, это было связано с теми назойливыми разговорами о привидениях, что заводил Левитин. Понять его было можно – как человек творческий, он фантазировал, рождал легенду своего нового гнезда, хотел придать ему особый колорит. Но, как говорится, не буди лихо. Вот и дофантазировался.

Нет, ничего темного за душой у Левитина не было. На следующий день после трагедии на него было больно смотреть. Он постарел лет на десять. Он отменил все запланированные дела и уехал в Москву, не оставив никому своих координат – хотел прийти в себя. Поместье он оставил на попечение Володи.

Именно с этим человеком Гуров решил побеседовать поплотнее. Несмотря на основополагающую роль, которую он сыграл в продвижении легенды о привидениях, Володя казался Гурову человеком наиболее реалистичным. Собственно, и привидения его были в каком-то смысле привидениями приземленными, существами, которые зачем-то упорно шляются под окнами, вынюхивают что-то в саду и мешают вести хозяйство.

По многим причинам выбраться ему удалось только во второй половине дня, но это Гурова тоже устраивало. Ему хотелось еще раз взглянуть на поместье вечерней порой. Жене он об этом сообщать не стал. Вечером она была занята в спектакле, и только чувство долга заставило ее собраться и на время выбросить из головы пережитый кошмар. Гурову не хотелось о нем напоминать. Он просто позвонил и сказал, что задержится допоздна на работе.

Поехали на разведку вдвоем с постоянным напарником и другом – полковником Крячко. Плотный жизнерадостный Крячко никогда не терял оптимизма, на все имел свое мнение и в потусторонний мир не верил ни на грош. Случившееся он прокомментировал довольно своеобразно.

– Свинья грязи найдет, – сказал он. – Это я в том смысле, что прикончили этого парня у тебя под носом. Ясное дело, предвидеть преступления даже менты не могут, но некая тенденция здесь просматривается. Комплекса вины у тебя, надеюсь, не появилось?

– Комплекса не появилось, но частично виноватым себя чувствую, – признался Гуров. – Ведь предупредить это несчастье можно было элементарно. Окликни я его, когда он потащился в сад, и ничего бы не было. Пошли бы вдвоем...

– Двоих бы и прирезали, – безжалостно сказал Крячко.

– Двоих не так просто прирезать, – серьезно ответил Гуров. – Особенно если один из двоих – полковник Гуров.

– Ну а вообще, если отбросить лирику, какие мысли? – поинтересовался Крячко.

– Во-первых, убийство мне представляется случайным, – заявил Гуров. – Убили не того, или вообще изначально убийство не планировалось. Савелий Вениаминович просто спугнул кого-то. Понимаешь, там за столом весь вечер травили байки про духов. А у интеллигентов на этот счет слабость. Видимо, погибший тоже что-то заметил в саду, и любопытство заставило его отправиться на разведку. Наверное, если бы его планировали убить, то скорее убийцы выслеживали бы его, а не наоборот. Пырнули его стилетом – один раз. Удар был мастерский, но как орудие убийства стилет у киллеров не котируется, согласись. А потом, его последними словами были «Привидение... в больничной пижаме... в пальто...». Странные слова для человека, которого заказали. В этих словах скорее звучали удивление и обида.

– А что нашли на месте преступления?

– Следственная группа приехала не сразу, – поморщился Гуров. – Рвения большого при осмотре места никто не проявлял. Там самый запущенный уголок – кусты, старые яблони, кра-

пива, пруд рядом... Да и признаться, мы с Володей порядочно там потоптались. В тот момент ведь важно было оказать помощь раненому, а не преступников ловить. Ну а в результате... – Он развел руками.

– Ясно, – хмыкнул Крячко. – Ну а сейчас что ты надеешься увидеть? Теперь темнеет рано, а моя тачка последнее время хандрит. Вот будет номер, если мы встанем где-нибудь на шоссе!

Свой автомобиль Гуров оставил Марии, а в поместье они поехали на старом «Мерседесе» Крячко, который, кроме гордого имени, никаких достоинств не имел, а в последние годы все чаще нуждался в ремонте.

– Не бойся, – успокоил Гуров друга. – Это совсем недалеко – куда мы едем. Твой железный конь справится. А что я хочу увидеть – и сам не знаю. Но почему-то мне кажется, что там нужно появиться в то же самое время. Если речь идет о привидениях, то нужно придерживаться определенных правил.

– Да уж лучше бы вообще держаться от этих духов подальше! – засмеялся Крячко. – А ты всерьез планируешь сидеть всю ночь в саду?

– Ну что ты! Пока светло, пробежимся по окрестностям, – сказал Гуров. – Ночью мне послышалось, будто где-то поблизости отъехала машина. Коллеги, кажется, не придали моим словам никакого значения, а сейчас мне представляется это очень важным. Не слишком-то оживленное там движение. Машина в час ночи – это может оказаться очень серьезно. Нужно поискать следы. Потом побеседуем с управляющим, выясним, что он думает по этому поводу, а уж когда стемнеет... Ну, там посмотрим, каждому овощу свое время. Я же говорю, с привидениями нужно особое обращение.

Когда выехали за пределы столицы, погода испортилась. С запада ветер погнал тяжелые тучи. Местами то и дело принимался моросить мелкий противный дождь.

– Ну вот, бутерброд, как ему и положено, свалился маслом вниз! – огорченно констатировал Гуров. – Такая погода, может быть, вдохновляет поэтов, но для поиска следов преступления худшего времени не придумаешь!

– А я вот все думаю про последние слова этого парня, – вдруг сказал Крячко. – Что это может означать – привидение в больничной пижаме? Может быть, в этом есть какой-то особый смысл? Ключ к разгадке? Может быть, поблизости есть какая-нибудь психбольница? Маньяки время от времени оттуда сбегают и пыряют людей, гуляющих в саду. Что ты про это думаешь?

– Маловероятно, – без улыбки сказал Гуров. – Сначала я вообще не придавал значения этим словам. Это вполне мог быть бред умирающего. Человек просил о помощи, думал про больницу, и эти мысли трансформировались вот таким причудливым образом... Но потом я стал сомневаться. Заметь, привидение было не только в пижаме, но еще и в пальто. Слишком реалистичная подробность, не находишь? Надо будет все это хорошенько обдумать.

– А прочие участники вечера? – спросил Крячко. – Насчет них никаких подозрений?

– Ну, совсем без подозрений мы не можем, ты же понимаешь, – на этот раз Гуров слегка улыбнулся. – Но объективно их участие маловероятно. Это же не Агата Кристи с ее замкнутыми комнатами и математическими вычислениями вероятного убийцы. Странно представить себе, что невинная вечеринка, одна из немногих, на которую я согласился, вдруг оказалась дьявольской ловушкой. После того как мы с Володей подняли шум, к нам сбежалась вся братия. Буквально в течение двух-трех минут. В нижнем белье, заспанные, перепуганные... Больше всех был перепуган, кстати, специалист по потусторонним явлениям, тот, что все напускал на себя демонический вид... Он едва не терял сознание. И смех и грех... Композитор Рыков вообще человек пожилой... Да и все прочие никак не тянут на роль изворотливого убийцы, способного хладнокровно расправиться с жертвой, в считанные минуты вернуться, переодеться и принять невинный вид. Опять же мотив! За столом с погибшим разговаривали немного и отстраненно, как разговаривают с малознакомыми людьми. Понимаю, у нас чиновников не любят, но не до такой же степени, чтобы убивать их после первого же совместного застолья!

– Значит, ты окончательно склоняешься к версии, что убийца пришел со стороны, – задумчиво проговорил Крячко. – Но тогда нужно решать, по чью душу он приходил.

– Я бы сформулировал это иначе, – покачал головой Гуров. – Что он вообще тут делал? Но над этим мне хотелось бы поломать голову, еще раз побеседовав с Володей. Лишь бы он тоже не захотел спрятаться куда-нибудь подальше.

Володя никуда не прятался, хотя по его насуспенному и как бы окаменевшему лицу было видно, что вся эта история доставляет ему невыносимые страдания. Однако Гурова и Крячко он встретил почти приветливо.

– По правде говоря, я рад, что вы приехали, – признался он, когда, услышав сигнал, вышел открывать ворота. – Под вечер тут становится по-настоящему тоскливо.

– А по-моему, на скуку вам жаловаться грех, – заметил Гуров, выбираясь из машины и пожимая широкую горячую ладонь управляющего.

Володя раздвинул створки ворот, давая Крячко проехать во двор. Крячко помахал управляющему рукой и повел свой «Мерседес» к дому. Гуров и Володя плечом к плечу зашагали вслед за ним. Ворота управляющий закрывать не стал, хотя чувствовалось, что ему этого очень хотелось.

– Я ведь не о скуке говорю, – с едва заметным упреком ответил он Гурову. – Я про то, что на душе муторно. И что там греха таить – страшновато. Сейчас все отсюда разбежались, а мне деваться некуда. Я ведь квартиры в Москве не имею, да и нигде не имею.

– А эта симпатичная девушка? – спросил Гуров. – Кажется, ее зовут Анной?

– Да, именно так ее и зовут, – скучным голосом ответил Володя. – А ей-то чего тут оставаться? Она с Максимом Борисовичем как нитка с иголкой, понимаете меня?

– Гм, допустим, – кашлянул Гуров. – Но неужели больше никого в доме не осталось? Разве Левитин не занимается строительством? Оно ведь не закончено. Рабочие тут не живут?

– У Левитина деньги кончились, – пробурчал Володя. – У него теперь главная проблема – где денег взять. Хочешь не хочешь, а надо крутиться. Затеял он это поместье, а возможности не рассчитал. Что-то там не срослось у него. В кулуарах... Этого вот все обхаживал – Савелия Вениаминовича. Надеялся на помощь со стороны родного государства. Не знаю уж, о чем они договаривались, – сами понимаете, теперь все эти разговоры коту под хвост. Максим Борисович сейчас совсем пал духом. Свалил все на меня и укатил. Боюсь, теперь до следующей весны не появится. А тут наверняка подрядчики со своими претензиями потянутся. Думаете, всем заплачено?

– Да, печальную картину вы нарисовали! – воскликнул Гуров. – Значит, дружбу с покойным Левитин завел из корыстных соображений?

Володя посмотрел на Гурова с мрачным удивлением.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.